

Кольцо городов

Старинная скульптура Николы Можайского: в одной руке меч, в другой – крепость, город.

Страной городов называли историки древнюю Русь. Страной городов издавна была и нынешняя Московская губерния – от иных остались лишь имена, другие соперничали с крепнувшей Москвой, третьи помогали ей подняться, возвыситься.

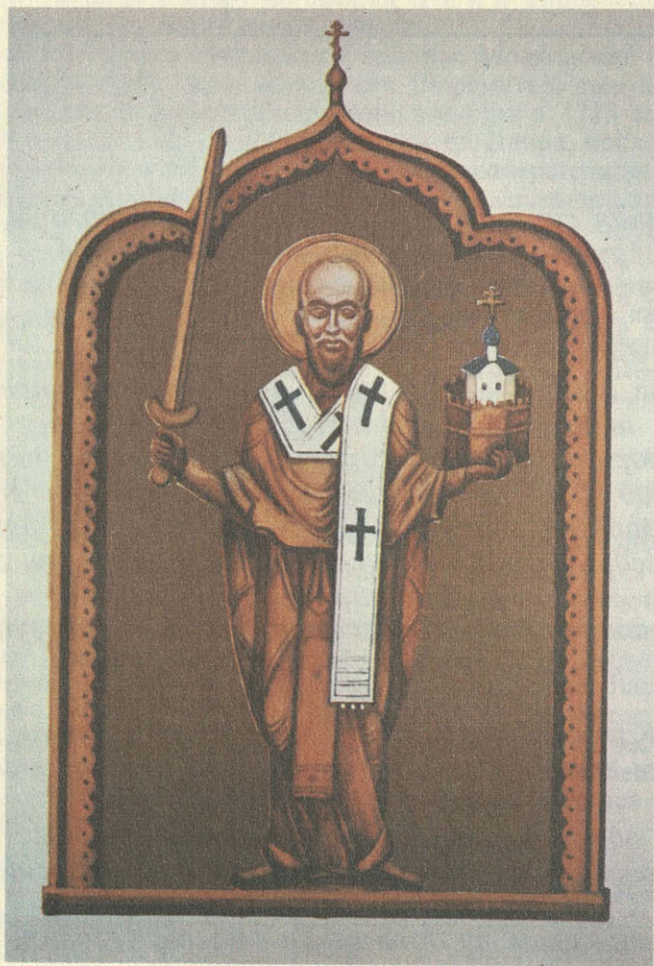
Исторический путь городов Подмосковья порой бесконечно долог: Волоколамск старше Москвы, Коломна и Дмитров уступают лишь по нескольку лет...

Могли ведь и уездные стать столицами, но жребий истории пал на Москву.

Есть тому научные объяснения, но не в них суть – не станет сегодня Звенигород спорить за власть с Москвой.

Каждый, самый малый город самоценен, и все вместе прочным кольцом они сомкнулись вокруг Москвы – еще одно «Золотое Кольцо» высшей пробы.

«Славен город Москва! Славен город Можайск! Славен город...!» – вечерняя переключка стрелцов из дали веков слышна сегодня.

Никола Можайский. XIV в.

Что «веселит грады божи»?

Феликс Разумовский

Древние подмосковные города, кажется, пережили апогей своей славы. Подумать только, многие из них были столицами княжеств: Звенигород, Серпухов, Верея, Можайск, Дмитров... Во времена Удельной Руси они не сходили со страниц летописей. А что ныне? Заросшие травой оплывшие валы их древних кремлей, здесь же чудом уцелевший собор – вот и все, что осталось «с тех пор». Но только ли это? «Город – один из сильнейших и полнейших воплощений культуры, один из самых богатых видов ее гнезд. Когда колеблется жизнённость великой культуры, сердце невольно влечется погрузиться в нее, лучше ее разгадать, слиться с нею теснее». Так писал профессор И. М. Гревс в предисловии к замечательной книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга», вышедшей в 1922 году. Надо ли говорить о том, что и теперь, в очередной раз «колеблется жизнённость великой культуры». И вполне понятно острое желание пережить образы древних городов Подмосковья, угадать их душу. Ведь если Петербург, не достигший еще своего 300-летнего рубежа, украшен таким ярким венком образов, то что можно ожидать от места, обжитого шестьсот, семьсот, восемьсот и более лет назад?

И тут мы неизбежно возвращаемся к тем самым оплывшим валам и одинокому городскому собору, возведенному чаще всего в позднейшее время. Рядом – ветхие серые деревянные домики конца прошлого – начала нынешнего века, деревянные покосившиеся заборы, огороды и одичалые сады. А между тем от всего этого порой возникает такая глубина и сила впечатления, которых нет как нет в Петербурге со всеми его шедеврами архитектуры и прославленными ансамблями. Однако, чем же так богат древний подмосковный город?

Что-то подсказывает нам: дело совсем не в материальной оболочке, не в величии каменных зданий и даже не в пресловутой «каменной летописи»... Какая уж тут «каменная летопись», если в Рузе, впервые упоминаемой в духовной грамоте Ивана Калиты в 1328 году, самое старое каменное здание города – Воскресенский собор, вы-

строенный в 1714–1721 годах. Первые четверста лет своей жизни город был сплошь деревянным; каменные же жилые дома появляются здесь только после Великой Отечественной войны. Годы, десятилетия, даже века не оставили в крохотной Рузе ничего, что могло бы попасть на страницы «каменной летописи». И при всем том Руза – подлинно древний город, поэзия которого открыта для тихого созерцания.

Конечно, есть в древних подмосковных городах и драгоценные раритеты, такие как Успенский собор «на Городке» в Звенигороде (1400 г.), как Воскресенский собор в Волоколамске (1462–1494 гг.) или каменный Зарайский кремль (1528–1531 гг.); есть художественные творения дерзновенные и величайшие, достойные стоять в одном ряду с самыми достославными памятниками Отечества... Но не только и даже не столько в них заключена притягательная сила этих городов. Они прекрасны не каким-то отдельным памятником, даже не своей застройкой, включающей строения разных веков, стилей, разного художественного качества и назначения. Древние подмосковные города прекрасны своей необыкновенной архитектурной зрелищностью, целостностью городского пейзажа, переходящего в величественные ландшафтно-художественные ансамбли их ближних и дальних окрестностей.

Вот и выходит, что не в камне, а именно в пространстве, в городском и сельском пейзаже запечатлен «незримый мир былого» – наше многовековое культурное и историческое бытие. Стихия древнерусского города – это пространственная стихия. И как же трудно перенастроить нашу культурную оптику по сути своей литературно-книжную, а не ландшафтную, перенастроить на восприятие города, его своеобразной красоты. Небольшой подмосковный город, наподобие Вереи, Каширы, Рузы, может и не блистать архитектурными шедеврами (в нашем, теперешнем понимании), но при этом быть совершенным воплощением блестящего пространственно-художественного замысла. Природа, пейзаж и ландшафт – таков важнейший «материал» для создания образа города.

Ландшафтное зрение по-своему расставля-

Зарайск. Вид на город. Фото 1920 г.

ло акценты в восприятии архитектуры. Открывающиеся из города далекие виды на живописные окрестности были его художественной доминантой и даже первопричиной. Таков главный родовой признак любого древнерусского города — и малого, и большого, тем более столичного. Природа живо ощущалась в самом центре Москвы еще во времена П. Вяземского:

С холмов Москвы вперяю очи
В широкий, дальний небосклон:
Монастыри, леса и села
Красуются со всех сторон.

Теперь, когда Москва и другие бурно развивавшиеся в последнее время древние города окружены плотным кольцом урбанизированных новых районов, первоначальную живописность и пространственную раскрытость сохранили лишь немногие малые города, в том числе и древние города Подмосковья. В Москве сохранилось немало первоклассных памятников зодчества. Но если говорить о русском городе как о неповторимом явлении культуры, как о ее, культуры, драгоценном даре, то прикоснуться к нему в наши дни возможно лишь в местах тихих: на берегу реки Протвы в Верее, на берегу Рузы, в верховьях Москвы-реки в древнем Звенигороде или на Наре в подмосковном Серпухове. То есть именно там, где от древних кремлей сохранились в большинстве своем только оплывшие земляные валы и где над зеленью садов, заборами и крышами деревянных домов возвышается несколько обезглавленных и довольно поздних церквей и колоколен. Но только в этих городках все еще существует то, что можно назвать *зре-*

лицем города. С травяного вала некогда грозного кремля виден вдаль древний подгородный монастырь, выстроенный на холме над рекой; виден заречный заливной луг, а за ним — древнее село с церковью; еще далее — поле и лес... И так сколько хватает глаз: поля, перелески, села и деревни.

Все это вместе составляет художественный ансамбль, точнее *ансамбль ансамблей* — рукотворный, веками окультуренный ландшафт русской земли. Главное наше культурное богатство.

Города Подмосковья, включенные в эти ансамбли и сохраняющие разнообразные связи с сельским окружением (подчас не менее древним, чем сам город) в подлинном смысле слова бесценны. Они, эти города, — хранилища пространственного генофонда нашей культуры. Сегодня только с их помощью мы можем сделаться свидетелями нескончаемого диалога города с сельским окружением, памятника с памятником и памятника с ландшафтом. Город был не только хозяйственным, экономическим центром, это был прежде всего пространственный, художественный ориентир ансамбля его окрестностей.

Кстати, о сельском окружении и городе — что есть что? На этот счет у нас существуют порой совсем неверные представления. Собственно городом, «градом», на Руси считался один лишь кремль или детинец, самая малая (обычно менее 300 метров в длину), а в мирное время к тому же и полупустая часть сложного по своей структуре поселения. Близ «града» располагался торг и посад; за плотно застроенным посадом тянулись слободы, окруженные садами и огородами, далее шли жи-

Коломна. Успенский собор и Старо-Голутвин монастырь.
Фото В. Титова

вописно расположенные подгородние села и монастыри, разделенные еще большим пространством полей и рощ; затем леса чередовались с полями и лугами, деревни и села с погостами и пустошами, за ними постепенно начинался другой город... И все было единым одухотворенным пространством. В одной части было больше «природы», в другой больше «неприроды»; были видны главные и второстепенные, архитектурные сооружения ведущие и рядовые. Словом, в историческом ландшафте существовала четкая иерархия пространств, которая, с одной стороны, исключала какое-либо однообразие, с другой — поддерживала удивительное равновесие и единство.

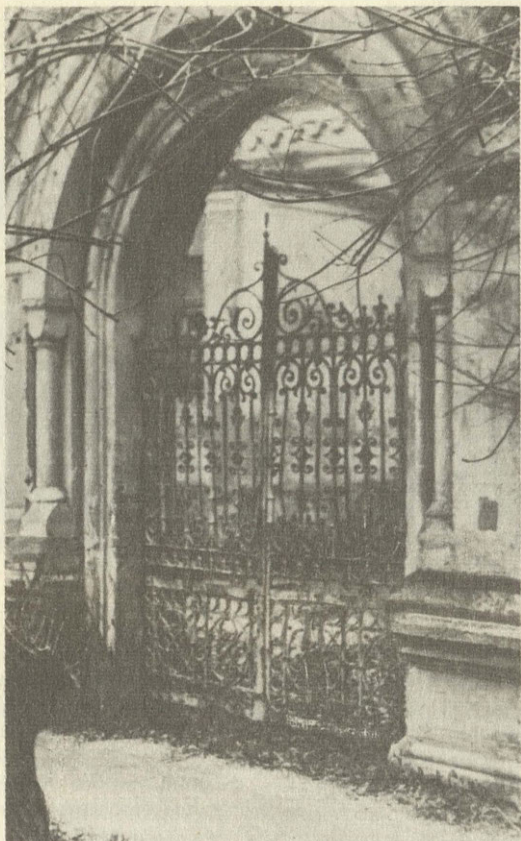
Сохранить это единство оказалось для нас непосильной задачей. Замечательный исторический пейзаж Подмосковья сильно пострадал от неумелых, часто разрушающе агрессивных вторжений. Иной раз достаточно было появиться в городе одной-двум типовым «коробкам», чтобы зрелище города оказалось безнадежно испорченным. Случалось, что новое строительство не наносило прямого ущерба отдельным памятникам города, но уничтожало главное, — пространственное равновесие и единство исторического ландшафта.

Предотвратить «разрушение строительством» было невозможно. Остается только удивляться, что оформившийся в невиданную по масштабам революцию обвал русской жизни не искалечил пространство всех древних городов Подмосковья. И что уцелело то немногое, то уцелело. Если бы хватило экономической энергии осуществить все градостроительные утопии: ген-

планы городов и проекты переустройства систем расселения целых районов, об историческом ландшафте Подмосковья пришлось бы говорить исключительно в прошедшем времени.

Было бы нестерпимо поверхностным и пошлым ограничиться общими констатациями и хотя бы не отметить то, что за каждой жилой и промышленной «коробкой», изуродовавшей древнюю Коломну, Серпухов, Каширу, Зарайск и Дмитров, стоят конкретные имена тогдашних областных и районных руководителей, секретарей райкомов и председателей исполкомов. А также имена «привязавших» эту «коробку» архитекторов. Горько, но факт: в разрушительной по последствиям реконструкции старых городов участвовали архитекторы. Я не беру сейчас ситуацию 20–30-х годов, когда противодействовать взрыву храмов или разборке белокаменного серпуховского кремля было выше человеческих сил. Речь идет о 70-х — начале 80-х годов; в ту пору уже не надо было класть голову на плаху, чтобы попытаться остановить строительство культурного центра у валов древнего Волоколамска или бульвара Дмитрия Донского в исторической части Коломны.

И все же меня не покидает чувство, что большинство из тех, кто пытался тогда смягчить последствия всеразрушающей работы градостроительного конвейера, что все мы не до конца представляли себе всей глубины проблемы. Образ древнерусского города, его пейзажная природа оставалась и для нас тайной за семью печатями. Мы лишь смутно ощущали, свидетелями какой трагедии нашей культуры сделало нас время.

Егорьевск. Ограда с воротами

Купеческая семья Волковых из города Талдома

В 1975 году вышел замечательный двухтомный иллюстрированный каталог «Памятники архитектуры Московской области». Хорошо помню, как все мы радовались его появлению и недаром, сколько памятников удалось защитить и отстоять с помощью этой книги, о переиздании которой сегодня не приходится даже мечтать. Но верно и другое: сегодня, спустя почти двадцать лет, вызывает сомнения сам принцип создания такого каталога — принцип «каменной летописи». В самом деле, в двухтомнике скрупулезно перечислены и описаны все известные в ту пору «памятники архитектуры»; при этом древние города упомянуты лишь постольку, поскольку в них находятся включенные в «каменную летопись» памятники.

Например, о существовавшем, очевидно, еще в эпоху Владимиро-Суздальской Руси древнем Звенигороде не сказано ни строчки, только об Успенском соборе и о Саввино-Сторожевском монастыре. Хотя ансамбль здешнего исторического ландшафта еще в прошлом веке за свою красоту был назван «подмосковной Швейцарией», а в городе и его окрестностях жили и работали замечательные русские художники, писатели и композиторы. Осмелимся заметить: такие ценители и знатоки русского пейзажа как А. К. Саврасов, П. И. Чайковский, А. П. Чехов и И. И. Левитан вдохновлялись отнюдь не «памятниками архитектуры», а скорее образом древнего городка, звенигородскими видами и далями, всем многообразием рукотворного исторического ландшафта.

Каталог «Памятники архитектуры Московской области» зафиксировал определенный уровень понимания (точнее, степень непонимания) древних городов. Их лица были скрыты от нас, а язык пространственных образов давно и прочно забыт. Мы пытались «собирать камни», не придавая большого значения той пустыне, в которую превращалась драгоценное, некогда *переживаемое*, «говорящее» пространство города. Это пространство распадалось и умирало на наших глазах, и мы не знали как вдохнуть в него жизнь. В сущности, не знаем и до сих пор.

Но заметим: многое стало нам за последние годы понятнее и ближе. В том числе и образ старинного города Каширы. Думаю, что сегодня авторы «Памятников архитектуры» не поместили бы в I томе описание памятников архитектуры Каширы, а во II томе — памятников Белопесочного монастыря. Расположенные на противоположных берегах Оки и попавшие к тому же в разные административные районы области эти памятники — часть единого ансамбля, без которого отдельные части в общем-то теряют смысл и значение.

Старая Кашира стоит на крутых, изрезан-

Вид на Иосифо-Волоколамский монастырь.
Фото В. Титова

Коломна. Кремль. Крепостная стена.
Фото В. Титова

ных оврагами, подчас чуть ли не отвесных склонах нагорного берега Оки. Малоэтажная застройка каширских улиц находится на разных уровнях склона, и значит дома не заслоняют друг другу виды на окские просторы. Среди этих просторов, в низине пойменного левобережья, стоит древний Белопесочский монастырь, впервые упомянутый в грамоте 1498 года. Сверху, с высоты каширских круч, он кажется сказочным городом-островом. Есть там и собор, и храмы, и башни — чем не город! Воды весенних разливов обычно вплотную подступают к постройкам и со всех сторон окружают небольшую монастырскую территорию. В такую пору ансамбль Белопесочского монастыря особенно красив, и смелый замысел его основателей не может не вызвать восхищения.

И вот что интересно: размещен монастырь на крайне неудобном, низком, ежегодно затопляемом месте, в излучине реки, на зыбких песках. Строители не могли не знать, что их выбор связан с многими и многими дополнительными трудностями: возводить постройки можно было только на искусственном основании. И это при том, что буквально рядом, в каких-нибудь 300–500-х метрах можно было строить без всяких хлопот, в роскошном сосновом бору. К тому же и сама Кашира первоначально находилась на другом месте, вдали от монастыря (город был перенесен на правый берег Оки только в 20-е годы XVII века). И тем не менее монастырь был поставлен именно здесь, на песках, у самой воды — чтобы радовать взор и подавать весть всем плывущим по большой реке, для которой и у летописца нашлось красивое, светлое и святое имя-метафора: «пояс Богородицы». В этом зрелище столько подлинного духовного оптимизма, столько высокой радости, что оно и в самом деле может «веселить» жителей всего города. Это «веселие» помянул однажды автор жития Афанасия Высоцкого, первого игумена Серпуховского Высоцкого монастыря, когда написал, что «речные устремления веселят грады Божии».

И какими же скромными средствами достигалось в древних городах это «веселие». Это впечатление праздника, поразительно-го размаха и величия. Часто бывало достаточно всего лишь небольшого городского собора и нескольких приходских церквочек. В Коломне, Зарайске и Серпухове к ним прибавились стены и башни городских кремлей, ансамбли городских и подгородных монастырей. Тем не менее размеры отдельных построек и масса каменных объемов никогда не превышали точно найденную в каждом конкретном случае меру. Не говоря уже о том, что в архитектуре подмосковных городов почти никогда, даже в XVII и XVIII столетиях не было стрем-

ления воспроизвести прославленные московские и провинциальные памятники той поры с их причудливыми формами, красочным и богатым убранством. Напротив, в подмосковных городах есть характерное стремление к простоте, к своеобразной «негромкости» архитектурного звучания.

И право же, не в одном умении (или неумении) было все дело, не только в скромных материальных возможностях городка. Сказывалось и какое-то глубинное свойство культуры, которое наиболее чуткие исследователи уже облекли в слова: «стыдливость формы» (Д. Лихачев), «застенчивость» (С. Аверинцев).

Оказывается, «застенчивость» архитектуры и есть не что иное, как проявление пейзажно-видовой природы русского зодчества. Ведь слово «застенчивость» происходит от «застить» или «застенять», что означает заслонять свет, загромождать вид. В такой культурной традиции архитектура не может быть чрезмерной едва ли не во всех своих проявлениях: и по своим физическим размерам, и в плане декоративном, пластическом. Иначе она рискует превратиться в застенъ, «помешать свободному виду, взору» (В. Даль). И потому сознательно или бессознательно зодчий урезает архитектурное «тело», кладет ему строгую меру, заботясь более всего о «душе» города, обитающей в просторе раскрывающихся далей, в разнообразных видах обжитого ландшафта.

Эта традиция дает ответ на многие вопросы, можно сказать, что это культурный ключ к древнему городу. Заменить его ничем невозможно, логика абстрактного чертежа здесь бессильна. Преимущественно культивировать исторический ландшафт подмосковных городов нам будет трудно и впредь, несмотря на отсутствие райкомов, коммунистических градостроительных утопий и пафоса социалистического строительства. В сущности же, эта задача вовсе не для одних архитекторов. Единство и гармония городского пространства традиционно поддерживалась «снизу», «всем миром». Не только зодчий, выполнявший ответственный церковный заказ, любой житель, подрядивший плотника или каменщика, ощущал свою причастность общему образу-замыслу. Не будь так, разве в возделанном пространстве Земли единство смогло взять верх над множеством мелочей, частных, сиюминутных интересов.

Этого нельзя обрести без переживания гармонического целого, единства мира. А такая глобальная задача и в самом деле может поставить в тупик. К счастью, мы сказочно, невероятно богаты. Каждый древний город, каждая частица сохранившегося исторического пейзажа — уникальная школа подлинно универсального сознания.